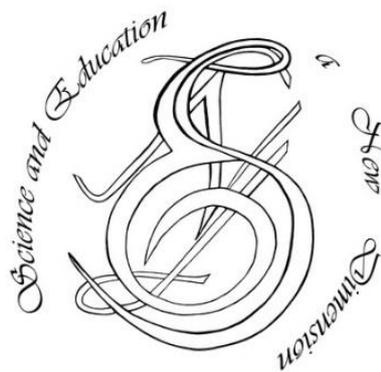

SCIENCE AND EDUCATION A NEW DIMENSION

PEDAGOGY
AND
PSYCHOLOGY

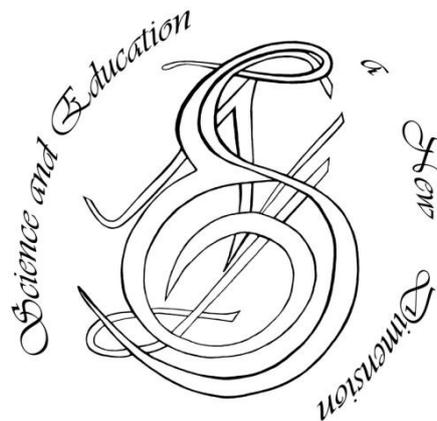
p-ISSN 2308-5258

e-ISSN 2308-1996

IV(47), Issue 101, 2016

SCIENCE AND EDUCATION A NEW DIMENSION

Pedagogy and Psychology

Editorial board

Editor-in-chief: Dr. Xénia Vámos

Honorary Senior Editor:

Jenő Barkáts, Dr. habil. Nina Tarasenkova, Dr. habil.

Andriy Myachykov, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Psychology, Faculty of Health and Life Sciences, Northumbria University, Northumberland Building, Newcastle upon Tyne, United Kingdom

Edvard Ayvazyan, Doctor of Science in Pedagogy, National Institute of Education, Yerevan, Armenia

Ferenc Ihász, PhD in Sport Science, Apáczai Csere János Faculty of the University of West Hungary

Ireneusz Pyrzyk, Doctor of Science in Pedagogy, Dean of Faculty of Pedagogical Sciences, University of Humanities and Economics in Wrocław, Poland

Irina Malova, Doctor of Science in Pedagogy, Head of Department of methodology of teaching mathematics and information technology, Bryansk State University named after Academician IG Petrovskii, Russia

Irina S. Shevchenko, Doctor of Science in Philology, Department of ESP and Translation, V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine
Department of Psychology, Faculty of Health and Life Sciences, Northumbria University, Northumberland Building, Newcastle upon Tyne, United Kingdom

Kosta Garow, PhD in Pedagogy, associated professor, Plovdiv University „Paisii Hilendarski”, Bulgaria

László Kótis, PhD in Physics, Research Centre for Natural Sciences, Hungary, Budapest

Larysa Klymanska, Doctor of Political Sciences, associated professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, Lviv Polytechnic National University, Ukraine

Liudmyla Sokurianska, Doctor of Science in Sociology, Prof. habil., Head of Department of Sociology, V.N. Karazin Kharkiv National University

Marian Wloshinski, Doctor of Science in Pedagogy, Faculty of Pedagogical Sciences, University of Humanities and Economics in Wrocław, Poland

Melinda Nagy, PhD in Biology, associated professor, Department of Biology, J. Selye University in Komarno, Slovakia

Alexander Perekhrest, Doctor of Science in History, Prof. habil., Bohdan Khmelnytsky National University of Cherkasy, Ukraine

Nikolai N. Boldyrev, Doctor of Science in Philology, Professor and Vice-Rector in Science, G.R. Derzhavin State University in Tambov, Russia

Oleksii Marchenko, Doctor of Science in Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, Bohdan Khmelnytsky National University of Cherkasy, Ukraine

Olga Sannikova, Doctor of Science in Psychology, professor, Head of the department of general and differential psychology, South Ukrainian National Pedagogical University named after K.D. Ushynsky, Odessa, Ukraine

Oleg Melnikov, Doctor of Science in Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Perekhrest Alexander, Doctor of Science in History, Prof. habil., Bohdan Khmelnytsky National University in Cherkasy, Ukraine

Riskeldy Turgunbayev, CSc in Physics and Mathematics, associated professor, head of the Department of Mathematical Analysis, Dean of the Faculty of Physics and Mathematics of the Tashkent State Pedagogical University, Uzbekistan

Roza Uteeva, Doctor of Science in Pedagogy, Head of the Department of Algebra and Geometry, Togliatti State University, Russia

Seda K. Gasparyan, Doctor of Science in Philology, Department of English Philology, Professor and Chair, Yerevan State University, Armenia

Sokuriaynska Liudmyla, Doctor of sociological science. Prof. Head of Department of Sociology. V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine

Svitlana A. Zhabotynska, Doctor of Science in Philology, Department of English Philology of Bohdan Khmelnytsky National University of Cherkasy, Ukraine

Tatyana Prokhorova, Doctor of Science in Pedagogy, Professor of Psychology, Department chair of pedagogics and subject technologies, Astrakhan state university, Russia

Tetiana Hranchak, Doctor of Science Social Communication, Head of department of political analysis of the Vernadsky National Library of Ukraine

Valentina Orlova, Doctor of Science in Economics, Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas, Ukraine

Vasil Milloushev, Doctor of Science in Pedagogy, professor of Department of Mathematics and Informatics, Plovdiv University „Paisii Hilendarski”, Plovdiv, Bulgaria

Veselin Kostov Vasilev, Doctor of Psychology, Professor and Head of the department of Psychology Plovdiv University „Paisii Hilendarski”, Bulgaria

Vladimir I. Karasik, Doctor of Science in Philology, Department of English Philology, Professor and Chair, Volgograd State Pedagogical University, Russia

Volodimir Lizogub, Doctor of Science in Biology, Head of the department of anatomy and physiology of humans and animals, Bohdan Khmelnytsky National University of Cherkasy, Ukraine

Zinaida A. Kharitonchik, Doctor of Science in Philology, Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University, Belarus

Zoltán Poór, CSc in Language Pedagogy, Head of Institute of Pedagogy, Apáczai Csere János Faculty of the University of West Hungary

Managing editor:

Barkáts N.

© EDITOR AND AUTHORS OF INDIVIDUAL ARTICLES

The journal is published by the support of Society for Cultural and Scientific Progress in Central and Eastern Europe

BUDAPEST, 2015

Statement:

By submitting a manuscript to this journal, each author explicitly confirms that the manuscript meets the highest ethical standards for authors and co-authors. Each author acknowledges that fabrication of data is an egregious departure from the expected norms of scientific conduct, as is the selective reporting of data with the intent to mislead or deceive, as well as the theft of data or research results from others. By acknowledging these facts, each author takes personal responsibility for the accuracy, credibility and authenticity of research results described in their manuscripts. All the articles are published in author's edition.

THE JOURNAL IS LISTED AND INDEXED IN:

INDEX COPERNICUS: ICV 2014: 70.95; ICV 2015: 80.87

GLOBAL IMPACT FACTOR (GIF): 2013: 0.545; 2014: 0.676; 2015: 0.787

INNO SPACE SCIENTIFIC JOURNAL IMPACT FACTOR: 2013: 2.642; 2014: 4,685

ISI (INTERNATIONAL SCIENTIFIC INDEXING) IMPACT FACTOR: 2013: 0.465; 2014: 1.215

GOOGLE SCHOLAR

DIRECTORY OF RESEARCH JOURNAL INDEXING

ULRICHS WEB GLOBAL SERIALS DIRECTORY

UNION OF INTERNATIONAL ASSOCIATIONS YEARBOOK

SCRIBD

ACADEMIA.EDU

CONTENT

PEDAGOGY	7
Методика вдосконалення навчально-пізнавальної діяльності майбутніх офіцерів-психологів запасу в процесі вивчення курсу «військово-спеціальна підготовка» <i>I. А. Черкун</i>	7
Порівняльний аналіз навчального змісту курсу геометрії в професійно-технічних навчальних закладах України та Польщі <i>Я. І. Черненко</i>	11
Pedagogical conditions for professional culture formation in students of Engineering at higher education institutions <i>S. Isaienko</i>	16
Категориальний аналіз поняття «життєве пространство личности» <i>И. О. Корниенко</i>	20
Контроль та оцінювання рівня сформованості письмової академічної комунікативної компетентності майбутніх бакалаврів природничого профілю в університетах США <i>М. С. Козолуп</i>	25
Феноменологія художньо-графічних компетентностей студентів мистецьких спеціальностей <i>Д. О. Кудренко</i>	30
Emotional intelligence in the future socionomic specialists' professional psychological training <i>L. A. Onufriieva</i>	34
Social responsibility of a person <i>V. V. Radul</i>	38
Дидактичні засади формування культурологічної компетентності бакалаврів романської філології <i>Л. В. Шуппе</i>	42
Освітнє середовище педагогічного коледжу як умова професійного саморозвитку майбутніх учителів початкової школи <i>А. І. Смолюк</i>	47
PSYCHOLOGY	52
Когнітивна складова готовності майбутніх соціальних працівників до превентивної діяльності <i>С. Ю. Сургова</i>	52
Методологічні основи становлення особистості в професійній психології <i>І. А. Добренко</i>	56
Психологические факторы стратегий проектирования жизненного пути молодой личности <i>А. В. Кабыш-Рыбалка</i>	59
Patterns of traits within personalities, prone to envy of different degree <i>A. F. Lisovenko</i>	63
Система уявлень студентів про справедливість у ситуаціях морального насильства <i>А. А. Возович</i>	68
Динаміка актуальності та значущості професійної ідентичності студентів медичних коледжів <i>К. Ю. Ушакова</i>	73

Категориальный анализ понятия «жизненное пространство личности»

И. О. Корниенко

Мукачевский государственный университет, г. Мукачево, Украина
Corresponding author. E-mail: innoksha@gmail.com

Paper received 12.09.2016; Revised 18.09.2016; Accepted for publication 25.09.2016.

Аннотация. Рассмотрено структуру жизненного пространства в ракурсе взаимодействия человека с ближайшим эко-окружением и предметной средой. Проанализированы концепции изучения поведения человека в его окружении. Выявлено ряд «универсальных экологических нужд». Доказана уникальность и значимость понятия «идентичность» как форма обретения человеком эго-самобытности; проанализировано ряд форм включения физического окружения в социальные отношения: граница, предел, место, конструкт «свое-чужое». Определено, что содержание понятия «жизненное пространство личности» совмещено с такими характеристиками: автономность, самостоятельность, стойкость к воздействиям, целостность и устойчивость.

Ключевые слова: *жизненное пространство, семиосфера, самоидентичность, предметная среда, личность.*

Введение. Феноменология структурирования жизненного мира в ракурсе конкретного взаимодействия человека с его ближайшим эко-окружением и предметной средой целесообразно рассматривать в контекстуальном русле психологии среды, которая изучает психологические аспекты взаимодействия человека и окружения, влияние факторов материальной действительности на личность через призму учета ряда макро- и микрофакторов.

Краткий обзор публикаций по теме. Теоретическое обоснование субъектно-средового подхода впервые было подробно исследовано в работах Е. Холла и Р. Соммера. Это направление исследований получило название «проксемика». Существенное влияние на его формирование оказали работы ученых этологов и орнитологов, которые исследовали пространственную ориентацию и видовое поведение животных. Впоследствии, именно в русле этого подхода появляются исследования, посвященные проблеме пространственной организации человеческого общения [19].

Так, Е. Холл, изучая особенности бессознательной структуризации микропространства человеком четко показал, как люди могут активно использовать и манипулировать физическим окружением с целью достижения желаемого результата в процессе взаимодействия друг с другом. Предложенные им четыре типа дистанций отразили четыре принципиальные типа отношений: интимного, личностного, социального, общественного. Е. Соммер адаптирует функциональную семантику понятия «личностное пространство» к анализу регуляции человеком пространства вокруг себя. По его мнению, персональное пространство представляет собой «площадь с невидимыми границами, которая окружает тело человека и в которую может войти чужой». Это расстояние непосредственного окружения индивида, которое он активно охраняет от вторжения. Содержание данной категории выражает защитный механизм пространственного поведения, то есть предусматривает статический, а не развивающий характер этого феномена. Ее границы строго не фиксированы, меняются в зависимости от психологических и социальных отношений субъекта с другими людьми [19].

Другой известной концепцией изучения поведения человека в его окружении есть концепция "места поведения" Р. Баркера, в которой он объединил характеристики конкретных паттернов поведения, которые

имеют место в определенное время и в определенном пространстве. Изучая и сравнивая поведение детей в привычном для них окружении, а также в новой ситуации, Баркер установил, что различные дети ведут себя почти идентично в одной и той же среде, в то время как один и тот же ребенок может вести себя очень по-разному, оказываясь в новых для него условиях. Подобные факты стали основанием для вывода о возможности прогнозирования поведения ребенка путем организации определенного типа пространственной среды. По мнению Р. Баркера, поведение и среда взаимосвязаны и могут образовывать устойчивую целостность. Несмотря на важность такого заключения, нельзя пропустить мимо внимания тот факт, что в исследованиях Баркера наблюдение за поведением людей осуществлялось в публичных местах, то есть на тех территориях, где возможности индивидуального контроля над средой минимальны.

Дальнейшая разработка проблемы в русле поведенческого подхода выявила ряд «универсальных экологических нужд» [9, с. 118]: потребность в возможности выбора ресурсов среды, потребность в контроле своего окружения, потребность в согласованности среды с поведением и социальными отношениями, потребность в предсказуемости среды. Было исследовано, что больше всего на поведение оказывает влияние фактор признания «своей» территории (над которой потребность в контроле является крупнейшей) или «не своей». Реальная или воображаемая – контролируемость среды (физического окружения, поведения других и потока информации) является условием психического благополучия личности. Появляются защита и забота о территории, установления ее границ, контроль над входом и поведением других в этих пределах [9, с.118-119]. Но если среда не соответствует деятельности, личность не участвует в ее формировании, если она переполнена людьми или они не согласовывают свои действия, контроль над средой существенно снижается. При таких условиях, когда преобладает контроль снаружи, наступает состояние безынициативности, равнодушия к физической среде, чувство зависимости и т.д. Раудсепп также описывает, как в различных социальных и этнических группах существуют различные нормы и традиции использования пространства. [9, с. 124].

В общем, можно заметить, что, когда происходит резкая и неприятная для личности разбалансиро-

ванность пространственных и временных параметров системы «эго-эко сознания», возникает целый ряд деструктивных психологических состояний и социальных действий как в овладении жизненным пространством, так и в ее адаптивно-дезадаптивных тенденциях в течении жизненного пути.

Таким образом **целью** исследования является определение структурных единиц предметной составляющей понятия «жизненное пространство личности» в предметном поле психологии.

Результаты и их обсуждение. На пути глубокой интерпретации материала, полученного в ходе исследований, возникают определенные трудности, вызванные рамками основного предмета исследования, а именно: каково соотношение «среда-поведение». Здесь отсутствует то самое «смысловое поле», как отмечал А. Н. Леонтьев, которое открывает человеку объективный мир [5]. Теоретический конструкт «деятельности и места» Д. Кантера, пришедший на смену соотношения «среда-поведение», четко рассматривает понятие места, которое возникает в качестве единицы формирования представления о мире, как «категоризации опыта». Места, кроме конкретных правил использования и четкой структуры, имеют также специальные символические качества [14], обеспечивающие связь человека с его прошлым, выражают ее принадлежность к определенным социальным группам, служат напоминанием о его делах и достижениях.

Сущность соотношения места и деятельности глубоко и основательно раскрывает понятие предметности: регулируемая деятельность субъекта, становясь предметной, превращается в идеальную сверхчувствительную сторону производимых ею вещей, их особое системное качество [1, с. 15]. Как уже отмечалось выше, мир человека с помощью деятельности превращается в мир предметов, который уже является не вещевым, а предметным миром, одухотворенным [6, с.263]. В широком смысле, вся окружающая действительность человека является знаком, значит, из нее человек черпает (теряет предметность или впервые открывает) механизмы своей собственной жизнедеятельности. Любой предмет является знаком в понимании носителя социальной наследственности, кода способов и механизмов человеческой деятельности [2, с. 24].

А. Тоффлером [20] выделены уникальность и значимость понятия «идентичность» как формы обретения человеком эго-самобытности, своеобразной рефлексии по поводу становления его как личности в контексте глобального экономического, исторического, политического, духовного жизненного пространства. Ученый отметил, что «миллионы индивидов напряженно ищут свою собственную идентичность или некоторую магическую терапию, которая облегчает приобретение целостности личности, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать собственный порядок». Конечно, овладеть жизненным пространством можно только овладев «магической терапией» осознанием собственной уверенности, решительности и самодостаточности в пространстве вещей, мыслей, поступков и т.д.

Американский психолог И. Альтман [12] в своей теории «приватности», рассматривает личное пространство и территориальное поведение в качестве важ-

ных поведенческих механизмов, регулирующих уровень приватности (доступности человеческого Я для других), необходимый для формирования и поддержания самоидентичности. Компонентом личностной идентичности является понятие пространственной идентичности (place identity), впервые введенным Прошански и соавторами. Авторы рассматривают «place identity» как ментальную конструкцию, сложившуюся воспоминаниями, представлениями, идеями и чувствами, вызванными как обычным, так и особым физическим окружением [15, с.28]. Расширяя понимание понятия, К. Корпела связывает его с процессами саморегуляции, которые являются предпосылкой пространственной идентичности. Ядром этой психологической структуры выступает чувство принадлежности (place-belongingness) [18].

Дальнейшие исследования направлены на раскрытие динамического аспекта понятий места и идентификации с ним. [13]. Кроме пространственной идентичности, исследуются также такие феномены как привязанность к месту (place attachment) [16], чувство места (sense of place). [17].

Продолжая работу зарубежных исследователей психологии среды, ученые советского периода 80-х годов (Михайлов, Хейдметс, Шкопоров и др.) разработали понятие «жизненная среда», что стало результатом изучения роли и функции искусственной среды в жизнедеятельности человека, способов и форм «ее включения в эту жизнедеятельность, причем включение в качестве не отдельных объектов восприятия или поведения, а целостного образования» [11, с.244].

Применение такого целостного подхода к проблеме позволяет рассматривать ближайшее физическое окружение человека в качестве своеобразного посредника социальных отношений, который организует и регулирует эти отношения. Можно выделить следующие формы включения физического окружения в социальные отношения:

1. Среда как объект контроля и управления. В первую очередь, речь идет о тех объектах, которые находятся в пределах непосредственного жизненного среды, как: дом, предметы личного пользования и т.д. именно с помощью этих вещей реализуется «субъектность» индивида, в силу чего среда становится расширением личности», и играет роль «посредника» в его отношениях с другими людьми.

2. Среда как средство регуляции открытости, социальной доступности для других. Выполнение этой функции можно проследить через историческую эволюцию жилого пространства в сторону его дифференциации.

3. Среда как средство самоэкспозиции. С помощью среды человек демонстрирует другим свою индивидуальность, свои ценности и т. д.

4. Среда как объект идентификации. Человек идентифицирует себя со своим средовым расширением, оно превращается в составную «Я» личности.

Все вышесказанное о предметную среду человека, может касаться и одежды человека. Так, Альтман относит одежду к механизмам регуляции индивидуальности человека [12, с.36-37]. Более того, порой одежда является более доступным средством регуляции отношений с социальной средой, чем предметное простран-

ство жилой среды (например, в подростковом возрасте).

Если психология жизненной среды преимущественно исследует взаимоотношения человека и искусственной среды, то в оригинальной работе М. В. Осориной, которая исследовала освоение ребенком окружающего мира в триаде «взрослый-пространство-ребенок» как становление жизненных функций последнего, то в этот социально-культурный по своей сути слой пространства включено как предметный мир, созданный человеком, так и мир природы. Используя три базовые понятия, в которых отражаются базовые аспекты территориального поведения: «предел», «путь» и «место», автор глубоко раскрывает их социально-психологический и культурно-символический смысл. Стоит отметить, что понятие «край» психологически емким, и занимает центральное место в понимании того, как формируется восприятие окружающего мира и самих себя. Так, Осорина отмечает, что «край» (в научной терминологии – «граница», «контур») является одной из самых ранних и прочувствованных ребенком характеристик пространства, положенной в основу его миропонимания» [8, с. 18].

Важное место в жизненном пространстве личности занимает предел. Его функция сводится к нескольким пунктам. Во-первых, граница способствует отделению и охране своей территории и своих вещей от воздействия и владения окружающих. Через физические препятствия, существующие нравственные нормы осуществляется контроль над своим пространством и регуляция степени открытости и социальной доступности индивида для других. Таким образом, предел является еще и местом столкновения и взаимодействия различных личностных пространств, местом встречи своего и чужого. При этом, речь идет не об одной стойкой границе, а о ряде (возможно, множестве) в определенной степени динамических границ. В данном случае, имеет место интимная зона, которая состоит как из определенной территории, так и из личных вещей, которыми индивид не готов поделиться с близкими. К таким интимным вещам можно отнести собственно кровать, собственную комнату, зубную щетку или расческу, любимую чашку, предметы одежды, женские украшения, стол и т.д. – для каждого субъекта они индивидуальны. Можно предположить, что границы интимной зоны на «предметном» уровне достаточно устойчивы, и тщательно оберегаются. Эта зона находится внутри другой – личной.

Не меньшее значение автор придает понятию «место». Термин «место» интерпретируется М. В. Осориной как точка отсчета, момент фиксации в упорядочении, структурировании жизненного пространства. [8, с.72]. К числу первых мест-ситуаций, которые входят в модель мира, автор относит руки матери, детскую кроватку, детскую комнату, детскую площадку. Место в данном случае понимается как субъективно значимый, эмоционально окрашенный островок в пространстве мира, который человек посещает для удовлетворения какой-либо потребности. М. В. Осорина, кроме выделения данных типов мест, определяет и их психологический смысл: привлекательные для личности места оказываются точками сгущения определенных событий, отношений,

состояний, внутренне связанных с теми душевными проблемами, которые человек решает в данный момент жизни. Существенной составляющей жизни детей, проявляется в их территориальном поведении, проявляется в нарушении территориальных запретов взрослых (посещение «страшных мест», например, подвалов и др.) И создание собственных заповедных территорий и секретных мест («штабов», «тайников»), иначе говоря, нарушение существующих внешних границ и установление собственных. [8 с.70].

Итак, проанализировав исследования возрастной психологии и психологии среды можно отметить, что важнейшей координатой, которая структурирует пространство предметной среды, окружающей человека есть координата (смысловой конструкт) «свое-чужое». Пространство субъектом воспринимается как «свое», это то предметное пространство, которое человек стремится контролировать и использовать в качестве регулятора собственных взаимоотношений с миром, и репрезентации себя другим. Таким образом, пространство, расположенное ближе к полюсу «свое», играет роль посредника во взаимоотношениях человек-окружающая среда, с которой проходит процесс идентификации, и таким образом, пространство становится искусственным физическим расширением личности индивида.

Неотъемлемой составляющей пространства, которое воспринимается «своим», являются и другие места, где субъект способен реализовать значимую для него деятельность, наполняя их определенным психологическим содержанием, связывая с определенным жизненным опытом. С этими местами субъект также может себя идентифицировать.

Таким образом, содержание понятия жизненное пространство личности совмещено со следующими личностными характеристиками: автономность, самостоятельность, определенная независимость от внешних воздействий, а также с параметром целостности и устойчивости. Жизненное пространство выражает субъектность и индивидуальность личности, поддерживает их. Выступая как субъект, автор собственных поступков, личность выделяет и создает в своем жизненном мире «свое» пространство, состоящее из определенной территории, искусственных или естественных объектов материального мира, людей и их групп, связанных с ними информационных пространств, мира идей, культурных и религиозных ценностей – всего, что составляет ценность для человека на определенном жизненном этапе и является для него дорогим. Несмотря на сложность содержания этого пространства, оно остается целостным, поскольку выражает смысловое единство личности, воплощает и поддерживает ее направленность и автономность в окружающем социальном мире. Несмотря на это, личность и ее жизненное пространство можно уподобить семиосфере или семиотическому пространству. Данное понятие ввел в семиотику Ю. М. Лотман для того, чтобы лучше понять и объяснить закономерности функционирования культуры [7].

Семиосфера представляет собой многомерное и потенциально бесконечное знаковое пространство, в котором существует, функционирует и развивается

сознание, оно состоит из разнотипных семиотических образований, находящихся на разном уровне организации [7, с. 12-13]. В то же время, семиосфера является замкнутым пространством, которому присущи семиотическая однородность и индивидуальность, и который отделен от окружающего, иносемиотического пространства. [7, с.14]. Пространству семиосферы противопоставляется «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» [7, с.257]. Ю. М. Лотман уподобляет семиосферу «семиотической личности» [7, с. 14], так же личность может быть рассмотрена как семиосфера. Семиосферу – глобальную репрезентацию мира в сознании личности – можно определить, как сложную иерархическую многоуровневую систему. Каждый уровень, или «слой» репрезентации мира, соответствует базовой составляющей сознания – чувственная ткань, значение, личностный смысл [4]; на каждом уровне содержание сознания, представлено через денотативную, сигнификативную и смысловую системы значений и выражается в определенных типах знаков: индексальные, культовые и конвенциональные (Ч. Пирс, Ч. Моррис), социокультурные, мифологические, индивидуальные символы (К.-Г. Юнг).

Семиотика Я-идентичности, по мнению Ю. Хабермаса, образуется из совокупности личностной и социальной идентичности, причем обе рассматриваются как два взаимосвязанных измерения, в которых реализуется сбалансированная Я-идентичность (так называемая концепция баланса идентичности). Если вертикальное измерение – личностная идентичность – обеспечивает единство истории жизни человека, то горизонтальное измерение – социальная идентичность – позволяет обеспечить возможность выполнять различные требования всех ролевых систем, к которым относится каждый человек в собственном и общем жизненном пространстве. Поэтому Я-идентичность предстает в гармоничном балансе между личностной и социальной идентичностью, ведь установление и поддержание этого баланса как раз и происходит благодаря техникам взаимодействия, среди которых исключительное место занимает язык, коммуникация. Овладеть миром – это попытаться овладеть идентичностью как своеобразной ментальной самоидентичностью [10].

Выводы. Возвращаясь к понятию жизненного пространства, попробуем сконструировать его модель, применяя понятие семиосферы. Жизненное пространство личности, подобно семиосфере, является структурно неоднородным: оно содержит центральную часть (ядро) и периферию. Центральную часть формируют объекты, которые воспринимаются индивидом как наиболее ценные для субъекта, становятся частью субъекта, то есть, проходит процесс идентификации с ними. Как уже отмечалось, такими объектами могут быть жильё, наиболее значимые личные вещи, близкие люди, или социальная общность. Обобщая, можно отметить, что частью ядра жизненного пространства могут стать любые объекты и явления жизненного пространства субъекта (или какие-то отдельные их стороны и характеристики), связанные с ведущими и

наиболее устойчивыми интересами и стремлениями. Г. Олпорт называет такие объекты и явления сферой максимального Эго-привлечения, то есть они являются тем, что мы считаем теплым, центральным и важным для нашей жизни.

Далее, по направлению к периферии жизненного пространства Эго вместимость личности снижается, ведь именно здесь оказываются объекты и явления, степень субъективной значимости которых является более низкой, по сравнению с теми, которые находятся в ядре. Вместе с тем, необходимо отметить, что важнейшими структурными единицами жизненного пространства выступают не собственно предметы и явления, а некоторые их комплексы, сложные целостные образования – места. Место представляет собой определенный локус физического, природного, культурного пространства, где разворачивается значимая для субъекта жизнедеятельность и, соответственно, субъективно наиболее важные жизненные отношения. Место есть не только знаком определенного поведения и деятельности, оно обозначает, кодирует, можно даже сказать, конденсирует связь с многогранным индивидуальным опытом субъекта.

Я. Гошовский утверждает, что для ревитализационного (реинтеграционного, реадaptационного, ресоциализационного и др.) поведения человека важен депривированный хронотоп как разбалансированность экзистенциального пространства и времени, в частности отсутствие личного пространства (собственной комнаты, места, где можно уединиться, почти полная отсутствие "своих" вещей и т.п.). Низкий уровень самоосознавания, нестабильность и несформированность самосознания проявляется в конформности поведения и отсутствии самоуважения, без которого невозможно формирование полноценной Я-концепции и успешной самореализации. Диффузное представление о собственном образе «Я», через бессилие перед агрессивной окружающей средой приобретает стабильный характер и снижает интенсивность попыток в выделении своего «Я», равнодушие и апатию в овладении социальными ролями, пассивность в развитии и совершенствовании самосознания. Заученная беспомощность из-за блокирования пространственно-временной самореализации является мощной преградой в выработке навыков совладающего поведения у депривированных людей, обрекает их на маргинальные, девиантные и делинквентные пути решения жизненных проблем [3].

Поэтому априорность утверждений об аутоидентичности личности, способность в течение всей жизни не поддаваться психопатологическим личностным изменениям и деградациям, оставаться тождественной самой себе, в условиях овладения жизненным пространством как системы многочисленных трансформаций социо- и психогенеза приобретает множественные модальности, оттенки, варианты, которые вызваны изменениями «экзистенциального хронотопа», базовых жизненных тактик и стратегий, и приводит к существенным видоизменениям как на социально-статусном, так и индивидуально-психологическом уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов, А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа / А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2001. – 416 с.
2. Глотова, Г.А. Человек и знак. Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека / Г.А. Глотова. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 256 с.
3. Гошовський Я. Ресоціалізація депривованої особистості: монографія / Ярослав Гошовський. – Дрогобич: Коло, 2008. – 480 с.
4. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во политической литературы, – 1977. – 303 с.
5. Леонтьев, А.Н. Образ мира: Избранные психологические произведения в 2 тт. / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 251-261.
6. Леонтьев, А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – 380 с.
7. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров: Семисфера / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2000 – С. 150-391.
8. Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина. – СПб.: Издательство «Питер», 1999. – 288 с.
9. Раудсепп, М. Социально-психологическая эффективность жилища (Обзор теорий и исследований) / М. Раудсепп // Человек, общение и жилая среда / Отв. ред. Ю. Орн. – Таллин.: Таллинский педагогический институт им. Э.Вильде, 1986. – С. 115 -153.
10. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгеники?. – М.: Весь мир, 2002. – 144 с.
11. Хейдметс, М. Психология среды: становление и поиск / М. Хейдметс // Тенденции развития психологической науки. – М.: Наука, - 1989. – С. 242- 254.
12. Altman I. The environment and social behavior. Privacy, personal space, territory, crowding. – Monterey (Cal.): Brooks/ Cole, 1975. – 256 p.
13. Auburn T., Barnes R. Producing place: A neo-Schutzian perspective on the “psychology of place” // Journal of Environmental Psychology. – 2006. – V. 26, Issue 1/–P. 38-50.
14. Canter D. Action and place: The existential dialectic // Perspectives on environment and action keynotes given at IAPS 8. B. (West). – 1984. – P. 16-26.
15. Dixon, J., Durrheim, K. Displacing place-identity: A discursive approach to locating self and other // British Journal of Social Psychology. – 2000. – 39. – P. 27-44.
16. Harris P.B., Brown B.B., Werner C.M. Privacy regulation and place attachment: predicting attachments to a student family housing facility // Journal of Environmental Psychology. – 1996. – V. 16, Issue 4. – P. 287-301.
17. Hernandez B., Hidalgo M.C., Salazar-Laplace M.E., Hess S. Place attachment and place identity in natives and non-natives // Journal of Environmental Psychology. – 2007. – V. 27, Issue 4. – P. 310-319.
18. Korpela K.M. Place-identity as a product of environmental self-regulation // Journal of Environmental Psychology. – 1989. – V. 9, Issue 3. – P. 241-256.
19. Sommer R. Personal Space. The Behavioral Basis of Design. Englewood Cliffs, H. J.: Prentice-Hall, 1969. – 177 p.
20. Toffler A. The Third Wave. – N. Y., 1980. p.123-125.

REFERENCES

1. Asmolov, A.G. Personality Psychology: Principles of general psychological analysis. – М.: Smysl, 2001. – 416 p.
2. Glotova, G.A. Person and sign. Semiotics and psychological aspects of human ontogenesis. – Sverdlovsk: University of Urals, 1990. – 256 p.
3. Goshovskiy, Y. Resocialization of deprived personality: Monography. – Drogobich: Kolo, 2008. – 480 p.
4. Leont'ev, A.N. Activities. Consciousness. Personality. – М.: Publishing House of Political Literature, – 1977. – 303 p.
5. Leont'ev, A.N. The image of the world: Selected psychological works in 2 vol. – М.: Pedagogy, 1983. – Vol. 2. – p. 251-261.
6. Leont'ev. A.A. Active mind (Activity, Sign, Person) – М.: Smysl, 2001. – 380 p.
7. Lotman Y.M. Inside thinking worlds: semiosphere. – St. Petersburg: «Art-SPB», 2000 – p. 150-391.
8. Osorina M.V. Secret world of the children in the space of the adult world. – SPb.: «Piter» publishing, 1999. – 288 p.
9. Raudsepp M. Socio-psychological effectiveness of the home (Review of theories and studies) // Person, communication and living environment / Ed. Yu. Orne. - Tallinn.: Tallinn Pedagogical Institute. E.Vilde, 1986. – p. 115 -153.
10. Khabermas, Y. The future of human nature. On the way to a liberal eugenics? – М.: “The world”, 2002. – 144 p.
11. Heidmets, M. Psychology of environment: formation and research // Trends in the development of the psychological science. – М.: Science, – 1989. – p. 242- 254.

Categorical analysis of the "vital space of the person" concept

Korniyenko I. O.

Abstract. The structure of the living space from the perspective of human interaction with the nearest eco-environment and the objective environment is reviewed. The concept of the study of human behavior in its environment is analyzed. A number of "generic environmental needs" are determined. The uniqueness and significance of the concept of "identity" as a form of ego-identity gaining is proven; a number of forms of inclusion of the physical environment into social relations are analyzed: the boundary, the limit, the place, the construct "my own, someone else's." It was pointed out that the concept of "vital space of the person" is combined with the characteristics: autonomy, independence, resistance to impact, integrity and stability.

Keywords: living space, semiosphere, self-identity, subject environment, personality.

Контроль та оцінювання рівня сформованості письмової академічної комунікативної компетентності майбутніх бакалаврів природничого профілю в університетах США

М. С. Козолуп

Львівський національний університет імені Івана Франка, м. Львів, Україна
Corresponding author. E-mail: forys_maria@yahoo.co.uk

Paper received 04.10.2016; Revised 10.10.2016; Accepted for publication 15.10.2016.

Анотація. У статті висвітлено особливості оцінювання академічного письма студентів у американських університетах. Розглянуто цілі та завдання контролю на усіх етапах університетської письмової академічної комунікативної підготовки. Здійснено аналіз сучасних підходів, методів та критеріїв оцінювання рівня сформованості письмової академічної комунікативної компетентності студентів у вищій освіті США. Запропоновано шляхи оптимізації навчальних технологій академічної комунікативної підготовки в університетах України.

Ключові слова: академічна комунікативна компетентність, формативне оцінювання, сумативне оцінювання, самооцінювання, взаємооцінювання, метод портфоліо.

Формування академічної комунікативної компетентності (АКК) – необхідна передумова становлення цілісної особистості майбутнього фахівця природничої галузі у сучасних умовах академічної мобільності та глобалізації науки. Контроль за навчальними здобутками студентів складає важливу частину навчального процесу та є невід’ємним компонентом педагогічних технологій підготовки фахівців. У вітчизняній педагогічній літературі контроль за засвоєнням знань розглядається як дидактичний засіб управління навчанням та організації зворотного зв’язку під час навчального процесу, що полягає у виявленні, вимірюванні та оцінюванні знань та умінь студентів [1, с. 171].

Сьогодні академічна комунікативна підготовка (АКП) студентів у ВНЗ України ще не здійснюється на належному рівні. До навчальних планів підготовки майбутніх фахівців природничого профілю не включено курсів з академічного письма, а поодинокі навчальні курси з рідної чи іноземної мови за академічним спрямуванням побудовано без урахування міждисциплінарних зв’язків, що забезпечують формування цілісного комплексу професійних компетентностей фахівця. Ефективних технологій АКП студентів досі не розроблено; так само не приділено достатньої уваги питанням перевірки та оцінювання рівня сформованості АКК студентів, зокрема їхніх знань, умінь і навичок з академічного письма.

Водночас у закладах вищої освіти США сьогодні здійснюється системна поетапна академічна, дисциплінарна та фахова комунікативна підготовка студентів, яка реалізується з допомогою комплексу навчальних технологій у рамках інтегрованої дисциплінарно-академічної комунікативної підготовки студентів (ІДАКП). Проблема контролю за навчанням студентів у контексті АКП займається когорта американських учених-педагогів. Особливу увагу дослідники приділяють питанням аналізу різноманітних *форм* та *методів* контролю, розробки *критеріїв* оцінювання рівнів сформованості АКК студентів [3; 5; 7; 14; 15], а також використання контролю як засобу зворотного зв’язку між викладачами та студентами та його впливу на кінцевий результат засвоєння знань, умінь і навичок. [8; 10]. Американськими педагогами розроблено ефективну методику перевірки та оцінювання

навчальних здобутків студентів, що дозволяє контролювати їх прогрес на усіх етапах комунікативної підготовки. Американський досвід міг би бути корисним для проектування та імплементації технологій АКП студентів у вітчизняних ВНЗ.

Мета цієї праці – ознайомитися з системою здійснення контролю за навчальною діяльністю студентів американських університетів у процесі їх письмової академічної комунікативної підготовки (ПАКП). Відповідно до мети **завдання** дослідження включають: 1) з’ясувати цілі та функції контролю у системі ПАКП студентів, 2) розглянути основні типи оцінювання навчальних здобутків студентів, 3) проаналізувати критерії та методи оцінювання рівня сформованості письмової АКК студентів на різних етапах підготовки.

Матеріали і методи. Оскільки дане дослідження має на меті вивчення досвіду американських університетів у питаннях вимірювання та оцінювання рівня якості академічного письма студентів, *матеріалом* для нього послужили: а) праці сучасних американських педагогів, у яких розглянуто теоретичні та практичні аспекти проблеми [2; 3; 4; 5; 7; 8; 10; 15], б) методичні розробки, довідники та інструкції для викладачів з питань організації та проведення контролю за засвоєнням студентами умінь і навичок з академічного письма [6; 11; 14], в) шкали оцінювання рівнів сформованості письмової АКК студентів, які використовуються на різних етапах ПАКП [9; 11, с. 171-172; 12; 13; 15, с. 249-250]. Дане дослідження не передбачає проведення експерименту, воно опирається на вивчення наукової та довідкової педагогічної літератури, а також застосування таких *методів* як аналіз, порівняння, систематизація та класифікація інформації, одержаної в результаті опрацювання вищезгаданих джерел.

Результати та їх обговорення. Розробка стратегії оцінювання рівня сформованості комунікативної компетентності загалом є нелегким педагогічним завданням, у зв’язку із комплексністю та багатокомпонентністю структури цієї компетентності. Міждисциплінарна природа ІДАКП накладає додаткові вимоги щодо планування та реалізації процесу контролю за навчальними здобутками студентів у сфері академічно-дисциплінарної комунікації. Американські